

Республика ЦИР и ее отец-основатель:
как и чему мы учились
у Николая Витальевича Шабурова

Станислав А. Минин

телеканал «Матч ТВ», Москва, Россия, leikin@yandex.ru

Для цитирования: Минин С.А. Республика ЦИР и ее отец-основатель: как и чему мы учились у Николая Витальевича Шабурова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2023. № 2. С. 21–25. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-21-25

CSR republic and its founding father.
How and what we learned
from Nikolai Shaburov

Stanislav A. Minin

The TV channel “Match TV”, Moscow, Russia, leikin@yandex.ru

For citation: Minin, S.A. (2023), “CSR republic and its founding father. How and what we learned from Nikolai Shaburov”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 21–25, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-2-21-25

В Центре изучения религий я учился с 1999-го по 2004 г. С Николаем Витальевичем Шабуровым мы, пожалуй, стали настоящим знакомиться летом 2000 г. Почти год прошел после нашего поступления. Ничего удивительного в этом нет – руководитель Центра (мы предпочитали называть Центр просто кафедрой, было в этом что-то церковное) преподавал дисциплины для взрослых религиоведов, а на первом курсе мы были еще детьми, изучали науки тривиума и квадравиума. Нам даже назначили тьютора, Людмилу Геннадиевну Жукову, можно считать – классного руководителя. Как было с нами иначе?

Нашим тривиумом был Михаил Андреевич Сиверцев. Почти не шучу: помимо основ мифологии и ранних форм религиозного сознания он преподавал у нас риторику, как у средневековых студизусов. Это был человек редких качеств, флегматично-интеллигентный, который просто держал свой Путь, а мы могли попробовать немного пошагать рядом. Он был готов читать лекцию для полной аудитории или для двух человек, сколько соберется. Доверить ему юных религиоведов было мудрым решением. «Вы куда?» – могли мы спросить спустя год новых первокурсников. «На Сиверцева!» – отвечали они, и было бессмысленно уточнять предмет. Он ведь так и назывался: М.А. Сиверцев. Когда Михаил Андреевич уехал в Германию, старожилы, первые выпускники говорили: что-то закончилось.

Мы попали на кафедру во время перемен – она как раз отделялась от большого факультетского тела, обретала гордую независимость на своем, тогда четвертом, этаже. Республика ЦИР со своим отцом-основателем. Мы еще не знали Николая Витальевича, лишь почтительно здоровались с ним в коридоре, а он как будто присматривался к нам. Впервые мы увидели его во время так называемой тьюторской недели, когда музеологов, искусствоведов, москвоведов, культурологов и, конечно, религиоведов водили по музеям и библиотекам РГГУ, а затем знакомили с руководителями кафедр. Книги Роулинг тогда еще не были популярны, фильмы про Поттера не сняли, иначе ассоциации с Распределяющей Шляпой возникли бы непременно – с той лишь разницей, что нас уже распределили. НВШ казался классическим профессором – полным дум, с бородкой.

Потом, по мере знакомства, вокруг него сложилась целая фольклорная традиция. От него мы узнали много греческих слов вроде «апокатастасис» и использовали всюду, к месту и не к месту, поражая прочих студентов своей ученостью или по крайней мере необычностью. Мы узнавали походку НВШ, знали, как он держится за лацкан пиджака, знали его манеру говорить. В ходу были притчи о Николае Витальевиче. Например, притча о нерадивом студенте. «К НВШ на кафедру принесли расслабленного. “Максим, ходите!” – сказал НВШ. И встал он, и начал ходить».

А летом 2000 г. пришло время, когда Николай Витальевич окунул нас в религиоведческий котел с головой. Правильнее, наверное, было бы сказать – в купель. Лето на кафедре – время практики. Мы посещали религиозные общины Москвы (а через два года поехали в Санкт-Петербург с той же целью). Православные, старообрядцы, католики, баптисты, иудеи, мусульмане, ассирийцы, армяне, кришнаиты, тантристы. Мы знали о них еще очень мало. НВШ был нашим гидом. Перед каждой встречей читал небольшую лекцию,

и вечером, после наших странствий, можно было дома засесть за книжку и узнать больше. Или просто – узнать что-то. Система знаний начала выстраиваться уже на втором курсе.

Удивительная вещь: ведь для Николая Витальевича мы были не первыми, кого он водил по московским общинам. Многих людей там он знал лично, причем очень давно. Для него все это могло превратиться в рутину, в обязательку. Но тогда-то, во время практики, и стало понятно, что ему интересны мы. Наша реакция. Наши впечатления от встреч. И получалось, что для него не было похожих практик, не было повторения надоевшего ритуала. Каждый год, каждый курс были как новое плавание. Неизменной оставалась только система координат.

Спустя много (или не очень, смотря как считать) лет мне объяснили, что в Москве было два центра религиоведения. Две башни. Первый центр – с философским уклоном – в МГУ. Второй – с историко-антропологическим – в РГГУ, как раз у Николая Витальевича. Сейчас, когда прошли годы, я точно могу сказать, что история и антропология мне ближе. И в этом не было методологического диктата: философии и философов на Кафедре, да и в самом вузе, хватало. Скорее, в этом можно было обнаружить сочетание свободы выбора (изучай что хочешь) и научной дотошности (дисциплинируй свой ум). И теория все равно гнала студентов в поле – к кому угодно, к баптистам ли, к язычникам ли. Даже если потом кто-то из нас становился книжным, а не полевым ученым. Антропология – это подход. И НВШ в первые годы, мне кажется, тоже изучал нас как антрополог.

Говорят, что образование – это не только знание фактов, но и знание о том, где можно найти факты. Пять лет ты этому учишься. Но религиовед среди гуманитариев все равно необычен, своеобразен. Это все равно, что среди выпускников медицинского факультета ты, например, ветеринар. Или патологоанатом, как бы мрачно это ни звучало. Твой выбор должен быть чем-то обусловлен. И на втором курсе мы поняли, что шутки и козыряние умными словами вроде «дискурс» в университетской столовой заканчиваются. Анна Ильинична Шмаина-Великанова после провальной контрольной по Ветхому Завету сказала нам важные слова: если ты выбрал такую странную специальность, ты должен любить это дело. Любить читать священные тексты. Интересоваться жизнью людей, для которых эти тексты – высшая истина. Иначе... почему ты здесь?

Мы начали задаваться этим вопросом. Почему мы не журналисты? Не экономисты? Не будущие бухгалтеры? Образование религиоведа не предполагало столь ясного пути в профессию, пусть никакую дорогу и не преграждало. Второй курс – время рефлексии,

после него ты уже определяешься со своим конкретным научным интересом, а потом уже пишешь работы. Мы все еще были очарованы пестротой красок, мы смотрели программу второго курса и между собой, случалось, негодовали: как много христианства! Как это сужает наш горизонт! Ведь нас уже успели – на первом курсе – приобщить к некоторым сокровищам великой Индии! И вот тогда у нас состоялась встреча с НВШ-лектором.

Четыре дисциплины. История христианства. Патристика. История свободомыслия. Плюс – введение в Новый Завет, семинары с Людмилой Геннадиевной. Оказалось, что христианство – это вечный спор. Сначала – о том, какие тексты считать священными, а какие – нет. Потом – о том, кого считать истинным христианином, а кого – еретиком. Мы узнавали, как получилось так, что одни, а не другие стали определять границы ортодоксии. Это была история утверждения нормы, а потом сопротивления ей, ее защиты, а затем ее трансформации или разделения. Люди, имена которых мы слышали и раньше, стали персонажами великой драмы. То, что казалось общепонятным, воспринималось как проблема, как загадка, причем не всегда отгаданная. Нам хотелось участвовать в этом процессе. Мы не просто пополняли свой запас умных греческих слов. Мы засели в библиотеках. Нам стало интересным то, что, как казалось, может быть скучным.

Синоптические Евангелия. Источник Q. Гностики. Иалдабаоф. Ориген. Кирилл Александрийский. Абельяр. Франциск. Фома. Лютер. Кальвин. Философы, о которых мы слышали еще на первом курсе, становились понятнее. История Средних веков, вполне увлекательно преподанная нам годом ранее, обрела дополнительное измерение. Латынь, которую мы учили четыре с половиной года, из дисциплинирующей практики превращалась в инструмент познания, в способ самому стать частью чего-то большего.

Интенсивное общение с НВШ в режиме «лектор – студент» продолжалось у нас год – полтора. Потом Николай Витальевич «передал» нас другим преподавателям, но наделил главными знаниями. Нужно уметь ясно мыслить. Если ты ясно мыслишь, ты ясно излагаешь. Если ты ясно излагаешь, то можешь делать это увлекательно. И, наконец (и это особенно важно), ученому необходима ирония. По отношению к себе, к другим, к предмету изучения, к понятным, казалось бы, методам. Ирония – это и сомнение тоже. Защита от слишком легких путей и интеллектуальных ловушек.

Когда пришло время выбирать научного руководителя для своего диплома (а сначала для преддипломной курсовой), я пришел к НВШ. Он согласился, хотя, конечно, сказал, что не считает себя специалистом по крестовым походам. Но мне и не нужно было, чтобы Николай Витальевич брал меня за руку и водил моим

пальцем по строкам хроники Фульхерия Шартрского. Не нужно было, чтобы он направлял меня и делал за меня работу. Он уже меня направил. Мой выбор был актом интеллектуальной благодарности. У нас было много ярких, ни на кого не похожих преподавателей. И тех из нас, кто стал учеными, они, конечно, сформировали. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что мои мозги привел в порядок НВШ на втором курсе.

Думаю, я успел его удивить, когда попросил принести мне книгу Виктора Тернера «Символ и ритуал». Когда уже писал диплом по хроникам Первого крестового похода. Это был немного странный выбор. Но НВШ не стал меня одергивать. Полагаю, он верил в то, что я смогу не утопить себя в море интеллектуальной вседозволенности.

Мы учились в то время, когда домашний Интернет еще не стал нормой. Когда за знанием нужно было ехать, когда его нужно было ждать. Учителя были его хранителями. Вместе с тем к ним – и к Николаю Витальевичу – мы попали юными, а ушли с Кафедры взрослыми. Мы определялись со своей идентичностью. Отвечали себе на вопрос, кто мы в этой жизни. Наши «я» многосоставные. Человек. Мужчина. Женщина. Муж. Жена. Отец. Мать. Журналист, фотограф, ученый, путешественник, правозащитник, писатель, чиновник, менеджер, устроитель выставок, филантроп. Но важная часть этого «я» – религиовед, причем не какой-нибудь, а ЦИРовский, шабуровский.

Не так много тех, кто, будучи студентом ЦИР, стал еще и ученым, и преподавателем, остался на Кафедре, поддерживает ее традиции. Но много тех, кто возвращается туда мыслями, потому что у них всегда есть точка опоры.